

УЧЕБНИКИ

М. Н. Кокаревич

В. Г. Ланкин

Т. А. Шаповалова-Гупал

**ОБРАЗЫ ФИЛОСОФИИ
И ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ**

УДК 1/14(075.8)
ББК 87.я73

Серия «Учебники ТГАСУ» основана в 2013 году

К55 **Кокаревич, М.Н.** Образы философии и философствования [Текст] : учебное пособие / М.Н. Кокаревич, В.Г. Ланкин, Т.А. Шаповалова-Гупал ; под ред. М.Н. Кокаревич. – Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2019. – 172 с.
ISBN 978-5-93057-914-7

В учебном пособии представлен анализ мировоззренческой, аксиологической, методологической функций философии с акцентом на рассмотрении «выходов» философии в мир архитектурно-строительной деятельности. Значительное внимание уделено теме разнообразия культурно-исторических образов философии и философствования, позволяющих сформировать понимание философии как специфической сферы культуры, развивающейся в условиях реализации диалога как универсального принципа мышления. Крут историко-философских проблем представлен в учебном пособии исследованием условий и причин возникновения и развития первых философских учений на Востоке и Западе.

Пособие предназначено для подготовки бакалавров, а также будет полезно всем, кто интересуется философией.

УДК 1/14(075.8)
ББК 87.я73

Рецензенты:

докт. философ. наук, профессор кафедры философии и методологии науки НИ ТГУ **В.В. Чешев**;

канд. философ. наук, доцент кафедры философии и истории ТГАСУ **Д.О. Кашин**.

ISBN 978-5-93057-914-7

© Томский государственный
архитектурно-строительный
университет, 2019
© Кокаревич М.Н., Ланкин В.Г.,
Шаповалова-Гупал Т.А., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. Философия как сфера культуры и способ осмысления действительности	5
1.1. Образы философии и философствования (<i>Шаповалова-Гупал Т.А.</i>)	5
1.2. Основные функции философского знания (<i>Кокаревич М.Н.</i>)	33
2. Возникновение и формирование философии в цивилизациях Древнего мира (<i>Ланкин В.Г.</i>)	51
2.1. Условия и причины возникновения философии	51
2.1.1. Мыслительные практики древности и появление философии	51
2.1.2. Культурно-исторические условия возникновения философии в Древнем мире: Греция, Китай, Индия	71
2.2. Античная философия	105
2.2.1. Значение и своеобразие античной философии	105
2.2.2. В поисках первоначал: ранние концепции объяснения природы	107
2.2.3. Философские школы элеатов и пифагорейцев	113
2.2.4. Афинская школа философии	117
Фрагменты текстов античных философов	135
Заключение	166
Список рекомендуемой литературы	167

1. ФИЛОСОФИЯ КАК СФЕРА КУЛЬТУРЫ И СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ ДЕЙТЕВТЕЛЬНОСТИ

1.1. Образы философии и философствования

Первый ответ на вопрос «что такое философия?» дает само это слово. В переводе с древнегреческого языка философия – это любовь к мудрости. Сама мудрость – тоже, но прежде всего именно особое отношение к миру, включая все, что в нем есть, – природа, культура, наше «я» и «я» других людей во всей совокупности их сложных и разнообразных взаимодействий.

Любовь любви рознь. У древних греков было несколько слов для обозначения разных ипостасей любви. Глагол φιλεῖν и существительное φίλια употреблялись для обозначения склонности, расположения, симпатии, нежности, которые человек обычно испытывает к друзьям, дорогим его сердцу предметам (дому, любимым занятиям, воспоминаниям), также к своему народу, родине, правителю. Любовь-*филия* естественна, как естественно для человека любить себя, неслучайно отношение любви к себе, «себялюбие», в древнегреческом языке родственно именно φίλια – αὐτόν φιλεῖν. Философ Аристотель объяснял, что любовь-φίλια – это любовь к близким ради них самих, бескорыстная и самоотреченная. Любовь-φίλια лишена драматизма и страстности, стремления к обладанию своим предметом, присущих любви-*эросу* (от ἐρᾶν), это также не глубокая, ровно горящая любовь-*сторге* (от στέργειν), связывающая родителей и детей, тем более не рассудочная любовь-*агапе*, в которой эмоциональное отношение менее значимо, чем признание ценности и даже оценивание. Именно любовь-филия, любовь-дружба, объединяющая ищущих истину и не чуждая изысканной легкости и игры, согласно древнегреческим представлениям, является мерилем отношения к мудрости, к поиску истины – то есть философствованию.

Картины дружеских пирушек (симпозиумов) древнегреческих философов с винопитием, а главное, с живыми беседами на философские темы, воспетые философом Платоном, как нельзя более соответствуют общераспространенному представлению о философии. Название наиболее поздней части древнеиндийских «Вед», «Упанишады», в переводе означает «сидеть около, подле», в смысле «сидеть у стоп кого-то, внимая его словам и таким образом получая тайное знание». В китайской философии, так же как и в древнегреческой, присутствует мифологизированный образ семи мудрецов – «семи мудрецов бамбуковой рощи» – интеллектуалов и каллиграфов, объединенных общими взглядами и стремлением к достижению гармонии с собой и миром в мистическом экстазе.

Наряду с этим образом философии как беседы и диалогом как естественной и исходной для философии формой мышления и жанром, в рамках древнегреческой философской традиции уже возник и развивался другой образ философии, первым представителем которой явился Аристотель, основатель жанра философского трактата и формальной логики. Вместе с этим традиция живой философской беседы сохраняется как способ передачи знания: учеников Аристотеля называют перипатетиками из-за обычая беседовать на философские темы, прогуливаясь (*περιπατέω* – прогуливаться, прохаживаться); сам Аристотель в ранний период творчества сочинял диалоги, а труды периода его философской зрелости, как и все существующие философские сочинения, подразумевают диалог, хотя и происходит его виртуализация.

Различия в образах философии и философствования во многом объясняются различиями в их предмете и соответствующем философии уровне общественного развития. Начинаясь с извечных вопросов о том, как достичь счастья, равновесия личных и общественных интересов, как «быть хорошим», т. е. с житейской мудрости, философия прошла долгий путь вплоть до так называемой «профессиональной философии», до современной «кабинетной философии» и практики преподавания, подчас под-

рывающих ее связь с реальной жизнью, деактуализирующих и дискредитирующих философию. Как бы то ни было, именно диалог (διάλογος – разговор) был и остается наиболее органичной формой и центральным образом философии, в этом можно убедиться, обратившись к принятым в мире философии способам коммуникации, которые по-прежнему включают живое общение – от дружеских разговоров философов до форм, принятых в профессиональном образовании (философский семинар, экзамен и др.), а также объединений философов (например, Международная федерация философских обществ, Российское философское общество), регулярных и нерегулярных событий (конференции, симпозиумы, конгрессы, включая Всемирный философский конгресс, проводимый раз в пять лет начиная с 1948 г.).

В живом диалоге берут начало диалектический метод (διαλεκτική – искусство вести беседу) и диалогический подход (философия культуры), в *пространстве диалога*, синхроническом и диахроническом со-бытии различных философий (мировоззрений, учений) достигается целостность философии, единство различных ее образов и методологии, а также раскрывается специфика философии по отношению к другим сферам духовной культуры – мифологии, искусству, религии, науке, политике. Можно говорить об особой, философской, культуре, как есть религиозная культура, художественная, политическая и т. д. Как таковая философия есть культура мышления, культура философского мышления, «кумулятивное пространство мысли», «пульсирующая структура сознания» [13].

Н.Ф. Кошанский¹ утверждал, что в диалогическом пространстве философии учения не сменяют друг друга, а сосуществуют, ибо «всякая мысль рождает другую. <...> Открывать в одной мысли другие, искать в данном предложении новых значит мыслить» (Кошанский Н.Ф. Риторика / ред. В.И. Аннушкин, А.А. Волков,

¹ Н.Ф. Кошанский, профессор российской и латинской словесности, учитель в Царскосельском лицее (1-я пол. XIX в.).

Л.Е. Макарова. Москва, 2012. URL: <https://docplayer.ru/64146175-N-f-koshanskiy-ritorika.html>).

В одном из интервью российский философ В.В. Миронов раскрывает значение живого диалога для философии и показывает, как принцип диалогичности воплощается в реальной философии, жизни философского сообщества:

«В развитии естественных наук личность ученого, конечно, имеет огромное значение, но, тем не менее, если бы Ньютон или Эйнштейн не сформулировали свои законы, эти же законы сформулировали бы другие люди, да и законы выглядели бы точно так же. Законы в этом отношении инвариантны, поскольку доминирует математическая форма. Иначе с философией: она располагается между наукой и искусством, а искусство создает уникальные произведения. Мы не можем сказать, что картина Рембрандта хуже или лучше картины Леонардо: каждая из них уникальна. Вот и в философии огромное количество уникальных произведений: то, что создал Платон, никогда не устареет. Если разрушим храм, то не сможем его восстановить, мы можем построить очень похожий, но не восстановить его. Такова же специфика и философии – в большой степени потому, что изначально она была вытеснена тем же искусством, словом, мифом. С другой стороны, философия, безусловно, является также и наукой. Однако, если естественнонаучное знание, как я уже сказал, отбрасывает устаревшие теории, математический аппарат теории Эйнштейна включает в себя в снятом виде теорию Ньютона, то с философией иначе. Как любовь к мудрости, она есть процесс, который никогда не кончается. И если – гипотетично представим себе – мы создали бы вдруг совершеннейшую философию, тогда остальное надо отбросить и история философии в этом случае больше не нужна. Нет, философия – образно говоря – это смысловое пространство, которое располагается вне времени и вне физического пространства, и поэтому мы все современники – Аристотель, Платон, Сидоров, Петров – мы все друг с другом говорим»¹.

Разумеется, мышление не сосредоточено в одной только философии, но в философии мышление преимущественно рационально. Рациональное мышление опирается на логику, понятия, оно нацеленно и само для себя прозрачно (произвольно, осмысленно, контролируемо).

¹ Из беседы Сергея Шаракшанэ с В.В. Мироновым, янв. 2010. URL: https://studylib.ru/doc/2714022/istoriya-filosofii-kaznit._nel._zya

Сфере рационального обычно противопоставляют сферу иррационального – образное мышление, веру, интуицию. Иррациональное мышление включает компоненты бессознательного (автоматические мысли, базовые схемы, когнитивные убеждения), стереотипы, характеризуется бессистемностью, сверхобобщениями, персонализацией и т. д.

Было бы прегрешением против истины утверждать, что мифомышление, художественное творчество, религиозная вера и интуиция лишены рациональности. Также неверно полагать, будто вся философия рациональна. Преимущественно рациональна западная философия определенного рода, берущая начало в древнегреческой культуре, однако есть богатейшие философские традиции Востока (их принято называть философско-религиозными или философско-этическими учениями), есть европейская религиозная философия (и не только средневековая, но и современная), направление иррационализма в западной философии XIX в. и опора на иррациональное в философии XX в. Кроме того, рациональна не только философия, но и наука, причем существует несколько исторически обусловленных типов рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая). И все же именно преобладание в философии рационального начала делает ее тем, что она есть, – важнейшим инструментом построения, анализа и критики картины мира. Вся философия в целом, какой бы образ она ни принимала, ставит человека, мышление в определенное отношение к бытию, что является фундаментальным условием его познания.

То, что отношение мышления к бытию может быть разным, очевидно из истории философии, поэтому справедливо утверждение, что история философии и есть философия. Справедливо также, что нет и не может быть единственно «верной» философии или философии окончательной, исчерпывающе отвечающей на все вопросы и объемлющей всю полноту знания о мире, «она существует в формате многих философий»¹.

¹ Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 16–26. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=957&Itemid=52

Среди существующего разнообразия философских идей, учений, концепций какие-то оказываются живучими, тогда как другие отвергаются или забываются человечеством, причем оценить их значимость для развития философии, а также с точки зрения сохранности и развития жизни и культуры в целом можно только по прошествии времени.

По каким критериям отдельный человек принимает ту или иную философию, почитая ее подлинной, истинной? Британский представитель аналитической философии, логик, математик, общественный деятель и лауреат Нобелевской премии по литературе Бертран Рассел выделил пять оснований:

1) наличие личной *убежденности* в истинности философского учения: «самый первый и наиболее очевидный довод тот, когда мы считаем ту или иную философскую систему истинной»;

2) *эстетические достоинства* («красота» философского учения);

3) способность философского учения вызывать *веру*;

4) *интеллектуальные достоинства* (внутренняя непротиворечивость и разрешение противоречий, обнаруживаемых в других теориях);

5) *нравственная чистота*¹.

Как видим, четыре из пяти критериев выходят за рамки рациональности и, сверх обозначенного Б. Расселом, устанавливают также связь с личностью философа, чье учение признается или не признается. Все в философе, включая его внешность, особенности речи, манеры, стиль в одежде, может стать предметом оценки и влиять на рецепцию собственно философских идей:

Господина К. навестил некий профессор философии и принялся рассказывать ему, сколь он, профессор, мудр. Спустя немного времени господин К. заметил: «Ты сидишь неловко и говоришь нескладно, и мыслишь ты тоже неловко». Господин профессор рассердился:

– Не о себе хотел я узнать нечто, но о содержании сказанного мною.

¹ Рассел Б. История западной философии. Москва: АСТ, 2010. 831 с. URL: <http://www.mathcenter.spb.ru/nikaan/phylo/rassel.pdf>

– Тут нет никакого содержания, – ответил господин К., – я смотрел, как неуклюже ты идешь, и за время, что я смотрел на тебя, ты не приблизился ни к какой цели. Ты говоришь темно, и нет ясности в твоих речах.

Я смотрю на твою манеру держаться, и у меня пропадает всякий интерес к твоей мудрости¹.

Между «лирическим героем» философии и биографическим «я» автора существует дистанция², например между Заратустрой, лирическим героем книги «Так говорил Заратустра», и создавшим его немецким философом Фридрихом Ницше. Только профанический взгляд на философию может не различать этой дистанции. И все же люди склонны оценивать конкретную философию с позиции того, как она согласуется или не согласуется с образом жизни породившего ее философа, а также распространять свое восприятие личности философа на его философию. То и другое в каком-то смысле естественно для человечества. Бертран Рассел приводит пример того, как внимание к жизни философа может положительно влиять на восприятие его философии: философия эпикуреизма воспринималась бы совершенно иначе теми, кто почитает ее философией бездельников и эгоистов, обратись они к биографии Эпикура, исполненной преданного служения философии, деятельных проявлений дружбы и семейного долга, самоограничений, вызванных состоянием его здоровья и стесненностью в средствах и т. д. Приняв все это во внимание, нельзя не удивляться жизненной стойкости Эпикура, его способности получать удовольствие от жизни в подчас непереносимых обстоятельствах, испытывать радость от простых вещей: общения с друзьями, философской беседы, прогулки, простой пищи и гимнастических упражнений на свежем воздухе. Здесь мы подходим к следующему важному моменту: образы философии и философствования неразрывно связаны в нашем восприятии с биографиями философов, и филосо-

¹ Брехт Б. Самое мудрое у мудреца – манера держаться // Избранное. Сборник. Москва: Радуга, 1987. URL: <https://e-libra.ru/read/236519-rasskazy-gospodina-koynera.html>

² Эпштейн М. О философских чувствах и действиях // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 167–174. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Epstein_Filosofskie_chuvstva.pdf

фы, несомненно, несут ответственность за свою философию; история философии часто опирается на биографический метод.

С личностью философа связано первое впечатление от его текстов: философские тексты содержат и транслируют определенный эмоциональный посыл, воздействующий на читателя прежде теоретических построений. В составе философского мировоззрения, как и научного, и художественного, и религиозного, принято выделять два уровня: дотеоретический и теоретический. Общепризнано, что ядром философского и научного мировоззрения являются компоненты теоретического уровня. При этом часто забывают, что философия вообще не возникла бы, не будь мировосприятия – способности выстраивать отношение к миру на эмоциональной и житейско-практической основе. Эмоции, чувства, настроения, вера, интуиция определяют выбор тех или иных жизненных установок, окрашивают мировоззрение в оптимистические или пессимистические тона, мотивируют, направляют философский поиск, придают ему смысл; «без переживания мысль мелка и тавтологична», «мысль и чувство переходят друг в друга»¹. При этом одного только эмоционального посыла недостаточно для построения философии, должен присутствовать разум, и если «все люди – философы», как утверждает австрийский и британский философ Карл Поппер, то только в той мере, в которой они обладают разумом – «просвещенным, критическим обыденным разумом»².

Не всякие эмоции, чувства и действия философские. В статье «О философских чувствах и действиях» российский философ, культуролог, филолог и лингвист Михаил Эпштейн отмечает, что чувства и действия «могут быть не менее философскими, чем идеи и понятия», при условии, что они относятся не к конкретным людям, а «к мирозданию в целом, к основам бытия»,

¹ Эпштейн М. Указ. соч.

² Поппер К. Как я понимаю философию / пер. с нем., вступит. статьи и прим. И.З. Шишкова, 2000–2003. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Popp/vse_lydi.php

к осмыслению «жизни как таковой»¹. Так, обида нефилософична, а горечь от несовершенства мира философична, уличение в глупости отдельного человека нефилософично, а осознание глупости человеческого рода философично. Философично разочарование Екклесиаста, меланхолия Сальери, его зависть к Моцарту и негодование, чувство несправедливости мироздания², презрение к суете и мелочам, гнев от несправедливости, тревога об ускользающем смысле, философичен страх – перед непознаваемостью и тотальностью бытия, грусть о мимолетности всего, мука, подобная муке князя Мышкина³, благоговение⁴, умиление силе слабого (даосизм), боль и скорбь за человечество, удивление⁵. Подлинно философскими эмоции и чувства делает их отнесенность к миру в целом, универсальный характер: «Несложные чувства радости и скорби являются объектом не философии, но скорее простейшей поэзии и музыки. Только радость и скорбь, сопровождаемые размышлениями о Вселенной, порождают метафизические теории»⁶.

Психология выделяет три группы высших эмоций:

- 1) интеллектуальные (любопытство, интерес, удивление, сомнение, юмор и др.);
- 2) эстетические (чувство прекрасного, чувство гармонии, чувство вкуса, чувство формы/цвета, также и чувство юмора и др.);
- 3) этические (чувство стыда, вины, справедливости, долга, морально-нравственное страдание и сострадание, коллективизм

¹ Эпштейн М. Указ. соч.

² «Нет правды на земле. Но правды нет – и выше» – знаменитый «монолог А. Сальери в тисовой аллее» из «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина.

³ Герой романа «Идиот» Ф.М. Достоевского.

⁴ «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» – Из «Заклечения» к «Критике практического разума» И. Канта.

⁵ Эпштейн М. Указ. соч.

⁶ Рассел Б. История западной философии. Москва: АСТ, 2010. 831 с. URL: <http://www.math-center.spb.ru/nikaan/phylo/rassel.pdf>

и др.). Очевидно, они могут определять и действительно определяют философское отношение к миру. В философии есть специальные дисциплины – эстетика и этика, исследующие феномены эстетического и этического порядка и пытающиеся мыслить с эстетических и этических позиций.

Страдание и удивление чаще других рассматриваются как начала философии. У литовского писателя, философа, богослова и педагога Антанаса Мацейны страдание утверждается как ведущая философская эмоция, а сомнение (трансформированное удивление) – как интеллектуальная форма страдания, присущая западному миру и западной философии. Источником сомнения и страдания, согласно концепции А. Мацейны, является открытие «неистинности вещей», хаоса как основной характеристики мира. К традиции «философии страдания» А. Мацейна относит буддизм, марксизм, русскую философию. А. Мацейна отмечает, что «зло есть объективная сторона страдания, а страдание есть субъективный опыт зла»¹. Страдание уже всегда есть, как есть вызывающее его зло. Два пути избавляют от страдания: путь религиозного спасения души и путь без Бога – через социальное переустройство мира. Оба, по мысли А. Мацейны, ведут к неудаче – буддистская медитация учит равнодушию, а социальная революция устраняет лишь конкретные проявления несправедливости, оставляя зло в его тотальности и неискоренимости. В этом контексте понятна позиция А. Мацейны: «Сущностного преимущества не имеет вообще никакая разновидность философии». Это не значит, однако, что философия бесполезна: философия призвана «научить страдающего человека определенному поведению в присутствии страдания».

С темой страдания в истории философии тесно связаны философское осмысление жертвы и тема страданий самих фило-

¹ Мацейна А. Происхождение философии из страдания. Происхождение и смысл философии. Раздел I. Глава IV // Историко-философский ежегодник '93. Москва: Наука, 1994. С. 277–294. URL: https://platona.net/load/zhurnaly_po_filosofii/istoriko_filosofskij_ezhegodnik/istoriko_filosofskij_ezhegodnik_39_1993/77-1-0-3040

софов. Среди испытаний, когда-либо выпадавших на долю философов, – как обычные для смертных (бытовая неустроенность и безденежье, болезни, проблемы в личной жизни, одиночество, непонятость, страх смерти и др.), так и придающие философам ореол мученичества, если не святости. История философии навсегда сохранит память о казненных за философские взгляды Сократе и Джордано Бруно, о философском пароходе¹ – принудительной высылке из послереволюционной России 195 представителей русской интеллигенции, в том числе 21 профессионального философа (в том числе С. Булгакова, Н. Бердяева, С. Трубецкого, Н. Лосского, И. Лапшина, П. Сорокина и других).

Эти и другие обстоятельства выказывают извечную озабоченность официальной власти той мерой свободы, которой располагают мыслящие люди, которую отвоевывает мышление. Вместе с тем известны и противоположные примеры – философии на службе у власти², и это куда более опасно – для самой философии. Разумеется, интеллектуальные, нравственные силы общества не сосредоточены в одной только философии, но среди основных ее функций наряду с гносеологической и методологической такие, как мировоззренческая, критическая, аксиологическая, идеологическая, и если философия способна влиять на жизнь общества – опосредованно, то благодаря тому, что реализует их. Утрату современной философией влияния и авторитета философ А.А. Гусейнов объясняет именно тем, что «философия фактически сняла с себя обязанность указывать путь этически достойного существования». По мысли А.А. Гусейнова, весь пафос философии сосредоточен в этике, философия возникает из стремления человека к совершенству, к добродетели и «решает... задачу превращения мысли в поступок, теории в образ жизни»³.

Какие поступки можно считать философскими? М. Эпштейн отвечает так: «поступки, мотивированные философскими

¹ На самом деле их было два.

² Имеется в виду эпизод биографии немецкого философа М. Хайдеггера.

³ Гусейнов А.А. Указ. соч.

мыслями и/или чувствами, направленные на мир в целом, выражающие целостное миропонимание и мирочувствие», например поступки героев Ф.М. Достоевского (самоубийство Кириллова, преступление Раскольникова) и А. Платонова, а также поступки самих философов, как отказ С. Киркегора от брака с Региной Ольсен. Философский поступок, по М. Эпштейну, утверждает или отрицает определенную концепцию мироздания, это «эксперимент над миром в целом».

Яркие главы вписаны в историю философии мыслителями, чье мировоззрение находит не просто «отражение» или «подкрепление» в поступках, но порождает то, что принято называть «философским образом жизни». Часто философию понимают именно как «философский образ жизни». Недостаточно сказать, что философский образ жизни ориентирует на то, как должно поступать, этому учат религиозная и светская этика, закон; философия же устанавливает известную свободу индивида по отношению к существующим нормам поступания. Мера этой свободы определяется осознанностью потребностей, желаний и действий, разумением собственного блага и счастья, как бы они ни отличались от навязываемых обществом стандартов, ориентацией на самораскрытие, а также полнотой ответственности за выбор. Сегодня, когда самореализация является общепризнанной ценностью, это представляется тривиальностью, но это не тривиально по сути – ни для древности, ни для современности постольку, поскольку общепризнанность не то же, что общедоступность. Стереотипизация идеала личностной самореализации дискредитировала и исказила его: сплошь и рядом стремление к обретению себя оборачивается утратой собственного «я» в погоне за оригинальностью, при этом подлинная оригинальность мышления и поступков – не столь частое явление, чтобы быть всеобщей нормой. Философия скорее подразумевает *верность себе*, не исключаящую ни оригинальности, ни ординарности, но главным образом состоящую в осознании своих возможностей, положительных и отрицательных качеств (адекватной самооценке), чув-

стве собственного достоинства, мужественном противостоянии испытаниям, следовании долгу. Вероятно, это подразумевали семь древнегреческих мудрецов, начертавших на стенах храма Аполлона в Дельфах призыв «Знай себя!». Требования «знать себя» (семь мудрецов) и «познать самого себя» (Сократ) актуальны во все времена для всех людей постольку, поскольку они – люди, но для философов необходимость следовать им составляет основу сопричастности философии и философскому сообществу.

Философский образ жизни может быть продолжением личности философа, способом обратить внимание публики на новые идеи или тем и другим одновременно. История философии обильна примерами «ненормального», «маргинального», «эпатажного», даже «экстремистского» поведения философов. Своими обыкновениями и манерой беседовать Сократ весьма раздражал собеседников, хотя у симпатизировавших ему афинян он пользовался большим авторитетом и, вообще, был признанной знаменитостью. Вся жизнь великого философа, исполненная то ли истинного, то ли ложного смирения перед общественными нормами (самоубийство во исполнение приговора афинского суда), шла вразрез с эпохой и утверждала античную философию на новом для нее – антропологическом – пути. Последователь кинизма, аскет и остролов Диоген Синопский (Платон называл его «безумствующим Сократом»), в отличие от Сократа, не совершал революции в философии, однако его шокирующие выходки, породившие множество анекдотов, несомненно, обозначили некую черту в развитии всей античной культуры и философии в частности. Опровергал ли Диоген хождением взад-вперед тезис о несуществовании движения или бродил по Афинам с зажженным фонарем среди бела дня «в поисках человека», или отрицал возможность сущности вещи, отличной от нее самой (платоновской «чашности» чаши), указанием на невозможность ее непосредственно видеть, бросал ли Платону оципанного петуха в издевку над определением человека как бесперого двуногого, отсылка к физической и перцептивной реальности, обращение к повсе-

дневному опыту и здравому смыслу были своеобразными «аргументами» Диогена против разрыва философии и жизни, техникой останки (поломки) теоретического дискурса. Не-афинянин незнатного происхождения (сын пойманного на мошенничестве меналя), конец жизни проведший в рабстве, Диоген снискал прижизненную популярность и посмертную славу; эпитафия на его могильном камне гласит:

Пусть состарится медь под властью времени – всё же
Переживёт века слава твоя, Диоген:
Ты нас научил, как жить, довольствуясь тем, что имеешь,
Ты указал нам путь, легче которого нет.

Оба философа – Сократ и Диоген – были бесписьменными, и память о них, их идеях и поступках подтверждает их философское влияние. Другой – русский – философ Владимир Соловьев, сын выдающегося историка и потомок череды православных священников, интеллигент, бессребреник, харизматичная личность, был столь неистов и самоотвержен в поисках истины, что это сказалось в обескураживающих его современников метаниях, мировоззренческих переходах – от православия к марксизму, затем к увлечению естественными науками, далее к идеалистической философии Спинозы, Гегеля и Шеллинга, потом к критике западной философии и, наконец, построению собственной оригинальной философской концепции в духе религиозного синтеза. И это не все: стилю жизни и особенностям поэтической речи В. Соловьева русская культура Серебряного века обязана мифологемой житнетворчества и символическим строем своего языка.

Философский образ жизни не предполагает воспроизводства неких повторяющихся «архетипических» ситуаций, напротив, он порождает контрасты – от платоновского тщеславия до эпикурейской скромности («Живи незаметно!»), от диогеновской нищеты до материального благополучия М. Монтеня и Ф. Бэкона, обеспеченного происхождением и/или службой, от философского одиночества Гераклита до принадлежности философской